

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-7-17
EDN: IAXJGV

Редакционная статья / Editorial article

Необходимость преодоления культурного гегемонизма Запада в политологической науке на примере проблемы современного исламистского терроризма

Ю.М. Почта

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ pochta_yum@pfur.ru

Аннотация. В исследовании на примере проблемы современного терроризма ставится вопрос о необходимости преодоления зависимости российской науки от гегемонизма Запада. В мире в целом и в России в частности завершается период преклонения перед западной концепцией либеральной демократии и выработанными либеральной мыслью концепциями глобализации, прав человека, мягкой силы, гражданского общества, демократического транзита, терроризма, гибридных войн и др. Эти теории все менее воспринимаются в качестве нормативных, универсальных, чья реализация обязательно предполагает западное кураторство. Эти теории, выработанные в ходе уникального исторического процесса в странах Запада, никак не могут быть адекватно применимы для определения направленности развития незападных стран. В данном исследовании в качестве конкретного примера необходимости критического пересмотра западных идей рассматриваем проблему современного исламистского терроризма. Для этого мы обращаемся к идеям ряда российских авторов, а также западных представителей постмодернизма, неомарксизма и леворадикальной мысли, которые резко критикуют основные догмы западной либеральной политологии. Это дает нам возможность сделать вывод о том, что исламистский терроризм не является результатом деятельности отдельных радикалов или проявлением агрессивной природы ислама, а воспроизводится конфликтной системой современных международных отношений. Так, исламистский терроризм, как радикальная форма политизации ислама, чаще всего является реакцией мусульманского мира на западный глобализм, на кризис ряда мусульманских обществ в результате вмешательства Запада. Можно назвать это конфликтом исламского фундаментализма с западным либеральным фундаментализмом. Системно-функциональный подход дает возможность понять место и роль исламистского терроризма в современных гибридных войнах, которые Запад

© Почта Ю.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

использует для удержания своей глобальной империи. Можно рассматривать исламистский терроризм как элемент системы гибридных войн. В этой системе наряду с исламистским терроризмом существует важный феномен борьбы с ним — анти-терроризм, а также наряду с исламистским терроризмом как деятельностью неправительственных вооруженных группировок существует государственный терроризм, в основном осуществляемый западными государствами.

Ключевые слова: культурная гегемония Запада, деколонизация, ислам, гибридные войны, исламистский терроризм, государственный терроризм, глобализация

Для цитирования: *Почта Ю.М.* Необходимость преодоления культурного гегемонизма Запада в политологической науке на примере проблемы современного исламистского терроризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 7–17. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-7-17>

The Need to Overcome the Cultural Hegemony of the West in Political Science on The Example of the Problem of Contemporary Islamist Terrorism

Yuriy M. Pochta

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ pochta_yum@pfur.ru

Abstract. Using the example of the problem of contemporary terrorism, the article raises the question of the need to overcome the dependence of Russian science on the hegemony of the West. In the world in general and in Russia in particular, the period of admiration for the Western concept of liberal democracy and the concepts of globalization, human rights, soft power, civil society, democratic transition, terrorism, hybrid wars, etc., developed by liberal thought, is coming to an end. These theories are increasingly less accepted in as normative, universal, whose implementation necessarily requires Western supervision. These theories, developed during a unique historical process in Western countries, cannot be adequately applied to determine the direction of development of non-Western countries. In this study, we consider the problem of contemporary Islamist terrorism as a concrete example of the need for a critical revision of Western ideas. To do this, we turn to the ideas of a number of Russian authors, as well as Western representatives of postmodernism, neo-Marxism and left-radical thought, who sharply criticize the basic dogmas of Western liberal political science. This allows us to conclude that Islamist terrorism is not the result of the activities of individual radicals or a manifestation of the aggressive nature of Islam, but is reproduced by the conflict system of modern international relations. Thus, Islamist terrorism as a radical form of politicization of Islam is most often a reaction of the Muslim world to Western globalism, to the crisis of a number of Muslim societies as a result of Western intervention. The system-functional approach makes it possible to understand the place and role of Islamist terrorism in contemporary hybrid wars, which the West uses to maintain its global empire. Islamist terrorism can be viewed as an element of a system of hybrid wars. In this system, along with Islamist terrorism, there is an important phenomenon of combating it — anti-terrorism, and also, along with Islamist terrorism as the activity of non-governmental armed groups, there is state terrorism, mainly carried out by Western states.

Keywords: cultural hegemony of the West, decolonization, Islam, hybrid wars, Islamist terrorism, state terrorism, globalisation

For citation: Pochta, Yu.M. (2024). The need to overcome the cultural hegemony of the West in political science on the example of the problem of contemporary Islamist terrorism. *RUDN Journal of Political Science*, 26(1), 7–17. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-7-17>

Введение

Углубляющийся кризис отношений постсоветской России с Западом приводит представителей социальных и гуманитарных наук к необходимости преодоления зависимости российской науки от гегемонизма Запада. Однако не только в России, но и в мире в целом завершается период преклонения перед западной концепцией либеральной демократии и выработанными либеральной мыслью концепциями глобализации, прав человека, мягкой силы, гражданского общества, демократического транзита, терроризма, гибридных войн и др. Эти теории все менее воспринимаются в качестве нормативных, универсальных, чья реализация обязательно предполагает западное кураторство. Выработанные в ходе уникального исторического процесса в странах Запада, они никак не могут быть адекватно применимы для определения направленности развития незападных стран. В отечественной литературе после распада СССР об этом много пишет А.Г. Дугин, создав для этого концепцию археомодерна [Дугин 2011]. О том, что кризис западной общественной мысли наложился в нашей стране на системный кризис отечественного обществоведения с конца XX в., пишет С.Г. Кара-Мурза [Кара-Мурза 2011]. Он полагает, что отвергать западные понятия не стоит: «Разумно не убежать от наступления чужих понятий, а понимать их смысл и значение, стараясь влиять на этот смысл, уточняя его в своих национальных интересах» [Кара-Мурза 2011: 293]. Он настаивает на необходимости выработки политической доктрины с учетом цивилизационной принадлежности страны, ее цивилизационной идентичности. Это необходимо также для защиты собственного цивилизационного проекта от современных противников России на Западе, стремящихся присвоить себе статус цивилизации, а нам статус варваров («страны-изгоя», «империи зла»), лишенных права на собственное существование [Кара-Мурза 2011: 296–297].

В последние годы к теме противостояния России и Запада привлекает внимание С.А. Караганов. «Надо еще осознать, что Запад нам теперь не нужен, — пишет он. — Мы взяли все, что можно было полезного из этого замечательного европейского путешествия, которое начал Петр Первый. А сейчас нам нужно возвращаться к себе, к истокам величия России... Надо помнить, что мы не столько европейская, сколько евроазиатская страна». Он также настаивает на определении нашей идентичности: «Нам нужно найти самих себя, понять, кто мы есть. Великая евразийская держава, северная Евразия. Освободитель народов, гарант мира и военно-политический стержень

Мирового большинства. Это уготованная нам роль». Он настаивает на необходимости деколонизации российских социальных и гуманитарных наук и поддерживает происходящий в нашем обществе процесс «самоочищения от западников и западничества»¹. Отказавшись от западоцентризма, Россия берет курс на великодержавное возрождение как незападная страна, начинающая поворот на Восток и создающая миросистему Большой Евразии. Обращаясь к политической теории, С.А. Караганов полагает, что навязываемая Западом дихотомия: демократия — авторитаризм является ложной и России необходимо доказать, что ее модернизационный авторитарный политический режим способен обеспечить развитие страны [Караганов 2021].

Пересмотреть концепцию демократии применительно к российскому обществу предлагают и другие авторы. Так, в ответ на упреки западных авторов в автократии и великодержавности, А. Цыганков полагает, что «созданная в стране система правления далека от совершенства и испытывает трудности не столько потому, что не является западной децентрализованной демократией, сколько в силу институциональной недостроенности сильного государства... В русской истории самодержавная или централизованная, наследующая самодержавию система воспроизводится в силу необходимости решения важных задач развития страны. Некоторые из этих задач не могут быть решены в условиях децентрализованной демократической системы и требуют сильной исполнительной власти... Вероятно, стране гораздо больше подходит не демократия западного образца, а сообразная историческим, внутренним задачам смешанная политическая система» [Цыганков 2021].

Необходимость преодоления культурного гегемонизма Запада в политологической науке относится и к изучению современного исламистского терроризма. Большинство российских политологов широко используют западные представления о терроризме, глобальном терроризме, исламском терроризме, фундаментализме, государственном терроризме и т.п. По поводу этих концепций в отечественной литературе постоянно идет дискуссия, но чаще всего она не выходит за рамки западного дискурса и не затрагивает проблему влияния западного культурного гегемонизма.

О потребности критического подхода к западным представлениям о западных обществах вообще и о мусульманском обществе в частности много писал американский теоретик культуры арабского происхождения Эдвард Саид (1935–2003) в своих известных работах «Ориентализм» и «Культура и империализм». Саид показал, что Запад создает специальный дискурс — систематический язык, который предназначен для того, чтобы общаться с Востоком и изучать его в интересах Запада, для подчинения Западу. Он показал, что Запад смотрит на восточные культуры как на патологические или нуждающиеся в терапии, а незападного индивида воспринимает как онтологического неудачника

---

¹ Сергей Караганов: Россия закончила свое европейское путешествие // Российская газета. 27 декабря 2023 г. URL: <https://karaganov.ru/intervju-s-a-karaganova-dlja-rossijskoj-gazety/> (дата обращения: 27.12.2023).

во всех отношениях, являющегося либо ленивым потребителем, либо маньяком. Как только какое-то мусульманское государство занимает антиамериканскую позицию, оно получает статус террористического. Культурная гегемония Запада представляет собой мировую систему. Она производит «культуру, экономику и политическую власть наряду с их военными и демографическими факторами, обладает институционализированной тенденцией создавать масштабные транснациональные образы, которые переориентируют международный социальный дискурс и социальный процесс. В качестве примера возьмем появление двух ключевых терминов 1980-х гг. — «терроризм» и «фундаментализм». Вряд ли удастся так просто проанализировать (в общественном пространстве, выстроенном международным дискурсом) политические конфликты между суннитами и шиитами, курдами и иракцами, тамилами и сингалезцами, сикхами и индусами (список можно продолжить) без того, чтобы в конце концов не обратиться к категориям и образам вроде «терроризма» и «фундаментализма», которые производят в концернах и на интеллектуальных фабриках метрополийных центров вроде Вашингтона или Лондона. Это пугающие образы с неясным содержанием и определением, но они означают моральную силу и одобрение всем, кто их использует, и оборонительную позицию и криминализацию всем, против кого они направлены. Эти две гигантские редукции мобилизовали целые армии и отдельные сообщества» [Саид 2012: 615]. В конечном счете «другие», не желающие подчиниться Западу, воспринимаются в качестве врагов, готовых уничтожить истинную цивилизацию и образ жизни. За счет этого идет мобилизация и интеграция внутри самого западного сообщества: «Страх террора, индуцируемый ужасающими образами «терроризма» и «фундаментализма» (назовем их фигурами международного или транснационального образного ряда, сконструированными из иностранных дьяволов), облегчает подчинение индивидов господствующим нормам момента. В новых постколониальных обществах это столь же действенно, как и на Западе в целом и в Соединенных Штатах в частности [Саид 2012: 616]. Эдвард Саид призывает не испытывать иллюзий относительно возможности гуманизации отношения США к незападному миру из-за устойчивости имперской перспективы. Ее результатом является «политика США, поддерживаемая доминантной культурой, которая в целом соответствует основным ее принципам — поддерживать диктаторские и непопулярные режимы, применять насилие вне всякой меры в ответ на насилие туземных мятежников против союзников Америки, поддерживать устойчивую враждебность в отношении легитимации туземного национализма» [Саид 2012: 639].

Собственные концептуальные подходы к оценке мусульманских обществ начинают подводить американских политиков, так как они вмешиваются в жизнь этих обществ на основе неадекватных представлений. Одним из примеров неудачи в ведущейся почти четверть столетия войне с глобальным терроризмом является афганская авантюра США и их союзников по НАТО. США потерпели поражение в длительной войне (2001–2021 гг.), организованной под предлогом борьбы с глобальным терроризмом, на которую были потрачены сотни миллиардов долларов. Не удалось решить как задачу искоренения

терроризма на этой территории, так и перенесение на почву традиционного общества модели либеральной демократии. Правительство Афганистана, которое оккупанты поддерживали, было декоративным и обладало лишь номинальной властью. Через два месяца после хаотичного вывода войск США (бегства) к власти пришла террористическая организация «Талибан»², которая до настоящего времени обладает реальной властью в этой стране. Ирония судьбы состоит в том, что США (совместно со странами НАТО и исламскими государствами, прежде всего Пакистаном) в период пребывания Ограниченного контингента советских войск в Афганистане (1979–1989 гг.) активно способствовали формированию того явления, которое они позже назовут глобальным исламским терроризмом — его идеологии джихада, вооруженных группировок (моджахедов, будущего Талибана* и Аль-Каиды*), центров подготовки террористов, источников финансирования, каналов поставок вооружений, структур вербовки боевиков по всему миру, средств информационной поддержки. Афганская авантюра США показывает, что для Запада, стремящегося сохранить свое господство в мире, терроризм в его различных формах является одним из инструментов политики, одной из форм вооруженного насилия для достижения политических целей.

Для современного понимания терроризма необходимо учитывать контекст смены миропорядка. Происходит процесс кризиса старого (однополярного, американского) и формируется новый (многополярный) миропорядок. В чем проявляется этот кризис: ослабление западной гегемонии, разрушение системы международного права, бездействие международных организаций, незаконное применение санкционной политики, ослабление доллара как мировой валюты, враждебное отношение к ряду стран, объявляемых экзистенциальными угрозами, проведение гибридной войны против РФ, терроризм как элемент гибридных войн, политика хаотизации, дестабилизации, лишения государственных начал огромных регионов и стран, создание серых зон, использование концепций демократии и прав человека как поводов для внешнего вмешательства во внутренние дела стран, не подчиняющихся западному диктату. Из собственного миропорядка Запад пытается исключить ряд стран, не подчиняющихся западному диктату (РФ, Китай, Иран), ослабить их или разрушить. Мнение этих стран по поводу феномена терроризма не имеет значения или заведомо неправильное. Использование против этих стран терроризма в ходе гибридных войн с точки зрения Запада полностью оправдано и не является терроризмом.

При рассмотрении причин существования исламистского терроризма необходимо исходить из того, что он имеет собственные причины для воспроизводства в мусульманских обществах (культурно-цивилизационные, социальные, экономические и политические), но никак не присущ исламу как таковому. Зачастую мы встречаем эссенциалистское объяснение ислама и мусульманской цивилизации, согласно которому исламу присущ неизменный набор качеств как

---

² Знаком * здесь и далее обозначены организации, признанные террористическими и запрещенные на территории РФ.

онтологического зла, враждебного западной цивилизации [Phares 2005]. Такой подход в конечном счете служит оправданием необходимости господства Запада над мусульманским миром.

Для объяснения современного терроризма важно принимать во внимание феномен гибридных войн как той формы вооруженного насилия, которую Запад широко использует для сохранения своего миропорядка. Вместе с тем инициатива проведения гибридных войн западными теоретиками приписывается незападным странам (войны варваров с цивилизацией). Получается, что пока во всем мире не победит западный глобализм (западная цивилизация), гибридные войны будут продолжаться, так как представители незападных культур и цивилизаций будут фанатично защищать свои «партикулярные» ценности [Калдор 2015: 46]. Частью гибридных войн является государственный терроризм, когда отдельное государство или их союз используют террористические группировки для достижения своих целей. Такой аспект гибридных войн может получать название прокси-войн. При изучении места исламистского терроризма в гибридных войнах его адекватное понимание должно предполагать конкретный учет взаимосвязи собственной активности исламистских террористов с их деятельностью по заказам от различных акторов мировой политики. Эти заказы они выполняют в качестве наемников в прокси-войнах, когда заказчик действует на чужой территории чужими руками. Необходимо принимать во внимание существование тесной противоречивой связи террора исламистских группировок с государственным терроризмом. Одно предполагает другое. Организаторами государственного терроризма являются как отдельные государства мусульманского мира, так и западные державы. В условиях гибридных войн государственный терроризм вполне успешно может использовать услуги исламистских террористов [Почта 2021].

Для понимания причин воспроизводства терроризма необходим учет процессов, происходящих во всем мире, в том числе и в мусульманском. Запад после завершения холодной войны стремится переформатировать под свои глобальные интересы Ближний Восток, что приводит к дестабилизации ряда политических режимов. Французский философ и социолог Жан Бодрийяр показал, что мусульманский мир демонстрирует одну из радикальных форм противостояния Западу [Бодрийяр 2016: 92]. Аналогичную трактовку западной глобализации как организованной формы всемирного насилия поддерживают такие леворадикальные мыслители, как американец Майкл Хардт и итальянец Антонио Негри. По их мнению, глобализация представляет собой глобальное состояние войны, в ходе которой «война с терроризмом» является лишь одним из предлогов к подчинению всего человечества [Хардт, Негри 2006: 292]. Борьба с терроризмом может использоваться как предлог для вторжений в неудобные государства и смены там политических режимов [Хардт, Негри 2006: 14]. Американский ученый-лингвист и публицист Ноам Хомский полагает, что правительство США систематически осуществляет государственный терроризм. Он доказывает, что «война с террором» в ряде регионов мира превратилась в войну, в которой США

используют террористические методы или поддерживают государственный террор отдельных правительств против своего населения [Хомский 2007: 15–17; 2019]. Поэтому имелись все основания для того, чтобы возник «имидж Вашингтона как главного центра государственного международного терроризма» [Хомский 2007: 315]. Американский журналист-расследователь Джереми Скейхилл, анализируя тайные операции США в XXI в., выявил, что заказчиком и спонсором тайных операций, которые можно считать государственным терроризмом, являются такие государственные структуры США, как Государственный департамент и Пентагон. Чтобы избежать обвинений в государственном терроризме, США могут передавать проведение войны террористическими методами на аутсорсинг частным военным компаниям [Скейхилл. Грязные войны... 2015b: 331–342; Скейхилл. Blackwater... 2015a].

Мусульманский мир, отвечая на вызов западного глобализма, стремится реализовать собственные глобальные проекты, когда отдельные государства распространяют в мусульманском мире различные версии политического ислама (ваххабитскую — Саудовская Аравия, шиитский революционный ислам — Иран, идеологию организации «Братья-мусульмане»³ — Турция и Катар). Эти версии исламизма ожесточенно конкурируют между собой, зачастую в радикальных террористических формах.

Рассмотрев существующие мнения о дискурсе Запада относительно незападных обществ, можно сделать вывод, что отказываться от западных концепций не стоит, но они должны подвергаться критическому анализу (деконструкции) с учетом нашего собственного цивилизационного проекта, наших национальных интересов, нашего представления о недостатках существующего миропорядка, основанного на западном гегемонизме.

Исходя из этих теоретических и методологических посылок, номер, посвященный повороту России на Восток, открывается статьей представителей многолетних партнеров РУДН — *Института политологии и государственного управления Шаньдунского университета* — Хуана Дэньсюэ и Ван Ин, в которой дана панорама взглядов китайских ученых на стратегию и тактику реализации политики изменения внешнеполитических приоритетов России. Китай и взгляд из Китая по праву является первым смысловым блоком статей этого номера. Тему продолжает статья молодых ученых Л.Г. Абдрахимова и А.О. Ликсок (*РУДН, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ*), в которой авторы анализируют гибридные угрозы в разворачивающемся глобальном противостоянии США и Китая с точки зрения системы обеспечения национальной безопасности КНР. С точки зрения национальной безопасности Китая смотрят на сложную и крайне неоднозначную проблему взаимодействия руководства КНР и Афганистана востоковеды НИУ ВШЭ А.Д. Долохова и Е.Д. Соболева. А молодая исследовательница из РУДН Лю Цзинюань задается неординарной целью — найти концептуальные основания китайской геополитической концепции «Единой судьбы человечества» не только в традиционной

³ *Организация «Братья-мусульмане» признана террористической и запрещена в РФ.

китайской политико-философской мысли, но и в западной, показывая, таким образом, глобальный потенциал проекта и возможные точки сближения двух больших традиций.

Следующий блок статей посвящен проблемам региональной безопасности и геополитики. *С.С. Жильцов из Дипломатической академии МИД России* изучает геополитический и экономический потенциал стран Центральной Азии, особое внимание уделяя водно-энергетической проблематике. *А.С. Козинцев из МГИМО* занимается проблемой легитимности и техник легитимации современного египетского режима, активно обращаясь к исламским нормам и ценностям. Молодые ученые *А.С. Науменко (РУДН)* и *С.Д. Салтанов (Дальневосточный федеральный университет)* рассматривают проблемы безопасности в рамках треугольника Россия—Китай—Северная Корея в противопоставлении с «Азиатским НАТО» — треугольником США—Япония—Южная Корея. Аспирант *Дипломатической академии А.В. Мамедов* занимается внешней политикой Казахстана, которая становится еще более многовекторной в связи с изменяющимися геополитическими условиями. Следующие две статьи этого блока посвящены другой региональной державе с растущими геополитическими амбициями — Турции, которая обретает все более заметное влияние в регионе. Ведущие ученые *В.А. Аватков, А.И. Сбитнева Отдела Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН* размышляют о турецком опыте поворота на Восток — геополитического выбора в пользу сближения с глобальным Незападом. Раздел и тему Турции закрывает наша совместная с *Р.И. Гузаеровым из ИНИОН РАН* статья о лингвистическом влиянии Турции на страны постсоветского пространства.

Последний раздел номера посвящен проблемам региональной интеграции и имиджевой политики стран Евразийского пространства. *К.Е. Коктыш и А.В. Ренард-Коктыш из МГИМО* размышляют о перспективах евразийской интеграции и апеллируют к успешному опыту Китая в решении этических проблем в экономике. *Е.В. Морозова (Кубанский госуниверситет)* отслеживает политику трех государств Прикаспия — Казахстана, Туркмении и Азербайджана — по формированию имиджа своих стран и макрорегиона в целом. Ее коллеги по научному проекту из *Астраханского университета — А.П. Романова, Д.А. Черничкин* — вновь обращают внимание читателя к Турции как активнейшему игроку в деле формирования идентичности стран Каспийского региона. Они выстраивают на основе концепции транснациональных политических пространств (этномиров) большое эмпирическое исследование, которое показывает очень интересные результаты. Закрывает номер развернутая рецензия *И.В. Кудряшовой из МГИМО* на книгу казанских ученых об этнических конфликтах и формах правления применительно к восточным обществам.

Поступила в редакцию / Received: 30.11.2023

Принята к публикации / Accepted: 30.11.2023

Библиографический список

- Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: РИПОЛ классик, 2016.
- Дугин А.Г. Археомодерн. М.: Арктогея, 2011.
- Калдор М. Новые и старые войны: Организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
- Караганов С. О третьей холодной войне // Россия в глобальной политике. 2021. № 4. С. 21–34. <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-4-21-34>
- Кара-Мурза С.Г. Кризисное обществоведение. Часть первая: курс лекций. М.: Научный эксперт, 2011.
- Почта Ю.М. Исламистский терроризм в контексте современных гибридных войн // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 734–746. <http://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-734-746>
- Саид Э.В. Культура и империализм. СПб.: Владимир Даль, 2012.
- Скейхилл Д. Грязные войны: Поле битвы — земля. М.: Кучково поле, 2015.
- Скейхилл Д. Blackwater: самая могущественная наемная армия в мире. М.: Кучково поле; Институт внешнеполитических исследований и инициатив, 2015.
- Фарес В. Революция грядет: борьба за свободу на Ближнем Востоке. М.: Эксмо, 2012.
- Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.
- Хомский Н. Гегемония или борьба за выживание: стремление США к мировому господству. М.: Столица-принт, 2007.
- Хомский Н. Культ государства. М.: РИПОЛ классик / Панглосс, 2019.
- Цыганков А.П. Достаточно великая держава // Россия в глобальной политике. 2021. № 4 (110). <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-4-220-226>
- Phares W. *Future Jihad: terrorist strategies against America*. New York: Palgrave Macmillan, 2005.

References

- Baudrillard, J. (2016). *The spirit of terrorism. There was no Gulf war*. Moscow: RIPOL classic. (In Russian).
- Chomsky, N. (2007). *Hegemony or survival: America's quest for global dominance*. Moscow: Stolitsa-Print publ. (In Russian).
- Chomsky, N. (2019). *Optimism over despair: On capitalism, empire and social change*. Moscow: RIPOL Classic / Pangloss. (In Russian).
- Dugin, A.G. (2011). *Archeomodern*. Moscow: Arktogeya (In Russian).
- Hardt, M., & Negri, A. (2006). *Multitude: War and democracy in the age of empire*. Moscow: Cultural Revolution publ. (In Russian).
- Kaldor, M. (2015). *New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era*. Moscow: Gaidar Institute publ. (In Russian). [Kaldor, M. (1999). *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era*. Stanford: Stanford University Press].
- Karaganov, S. (2021). On the Third Cold war. *Russia in Global Politics*, 4, 21–34. (In Russian). <http://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-4-21-34>
- Kara-Murza, S.G. (2011). *Crisis social science. Part one. Lecture course*. Moscow: Scientific expert (In Russian).
- Phares, W. (2005). *Future Jihad: Terrorist strategies against America*. New York: Palgrave Macmillan.
- Phares, W. (2012). *The coming revolution: Struggle for freedom in the Middle East*. Moscow: EKSMO publ. (In Russian).
- Pochta, Y.M. (2021). Islamist terrorism in the context of contemporary hybrid wars. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(4), 734–746. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-734-746>

- Said, E.W. (2012). *Culture and Imperialism*. St. Petersburg: “Vladimir Dal” (In Russian) [Said, E.W. (1993). *Culture and Imperialism*. New York: Knopf].
- Scahill, J. (2015a). *Blackwater: The rise of the world’s most powerful mercenary army*. Moscow: Kuchkovo pole publ.; Institute for Foreign Policy Research and Initiatives. (In Russian) [Scahill, J. (2007). *Blackwater: The rise of the world’s most powerful mercenary army*. New York: Nation Books].
- Scahill, J. (2015b). *Dirty wars: The world is a battlefield*. Moscow: Kuchkovo pole publ. (In Russian). [Scahill, J. (2013). *Dirty wars: The world is a battlefield*. New York: Nation Books].
- Tsygankov, A.P. (2021). A Great Enough Power. *Russia in global politics*, 4(110). (In Russian). <http://doi.org/10.31278/1810-6374-2022-20-2-206-212>

Сведения об авторе:

Почта Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (e-mail: pochta_yum@pfur.ru) (ORCID: 0000-0001-9600-2665) (SPIN-код: 5600-3410)

About the author:

Yuriy M. Pochta — Dr. of Sc. (Philosophy), Professor, Department of Comparative Politics, RUDN University (e-mail: pochta_yum@pfur.ru) (ORCID: 0000-0001-9600-2665) (SPIN-code: 5600-3410)